«Там, где кончаются слова, начинается музыка»
(Гейне)

Музыка помогает забыть суету сует, войти в особое состояние умиротворения, заглянуть в глубины собственного космоса. Классическая музыка способна выразить все оттенки душевного состояния человека. Кто-то говорит, что музыку надо слушать в уединении; кто-то говорит, что музыку надо слушать на природе; кто-то говорит об эффекте Моцарта и целительной силе музыки. Но сегодня мы поговорим о музыкальном пути дирижера и о влиянии музыки на жизнь человека.

Однажды Василий Ключевский сказал: «Музыка вызывает в нас аппетит к жизни». Как вы прокомментируете данное утверждение?

Ну, во-первых, музыка объединяет людей, говорящих на любых языках. Она сама — язык, который способны понять все. Во-вторых, музыка может раскрыть новые палитры чувств, улучшить настроение, сменить негатив на позитив и даже вывести из состояния усталости (эти свойства ей приписывает общераспространённая уверенность). Дирижирование — необычный язык управления, а язык — привлекательное блюдо. Если всё это включить в термин Ключевского «аппетит к жизни», то получится очень изысканное музыкальное меню.

Не так давно наш оркестр выступал в Московской филармонии. Каковы ваши впечатления от этой гастрольной поездки в такой непростой для артистов период?

Надо сказать, что очень много новых впечатлений. Дело в том, что программа нашего октябрьского концерта в Москве составлена ещё в январе, когда ни о каком карантине и речи не было. По результатам состоявшихся переговоров Московская филармония выпустила абонемент, который распродан полностью. А первым концертом этого абонемента стоял как раз наш. И вот, наступает осень, приближается день выступления. Наконец-то начинаются совместные репетиции после длительного карантина и самостоятельных занятий. Музыканты устали сидеть по домам. Но толком ничего неизвестно, организационно не решено. Разрешат ли музыкантам нашего оркестра ехать в другой город? Допустят ли публику в зал? Если да, то в каком количестве? Обстановки такой неопределённости на моём веку не было никогда. В сентябре продолжаем переговоры с администрацией, слышим предложения об ограничении состава музыкантов на сцене. Звучит такая фраза: состав оркестра не более семидесяти человек. Что же происходит потом? Московской филармонией получено разрешение на пятидесятипроцентную заполняе-

мость зала. Как мне рассказывали администраторы, им приходилось обзванивать людей, купивших абонементы, и уговаривать остаться дома, не приходить на этот концерт. И вот, мы выходим на легендарную сцену зала им. Чайковского. Даём концерт, в замысел которого заложено что-то новое и непривычное. Кажется, что наши музыканты и московская публика довольны. В последующие дни получаем много персонифицированных хвалебных отзывов в соцсетях. В общем, впечатления самые необычные за всё время нашей гастрольной деятельности.

Как вы считаете, почему люди ходят на филармонические концерты?

Зрители к нам приходят, побуждаемые разными интересами. Дирижёрская профессия предполагает, что дирижёр, а, следовательно, и оркестр предоставят материал, соответствующий этим интересам. Люди хотят получать разнообразные эмоции. Кто-то хочет присутствовать на концерте мировой знаменитости, кто-то ходит только на конкретного исполнителя, а кто-то хочет познакомиться с новым музыкальным произведением или коллективом. Но замечу, что каждый человек воспринимает музыку на своём уровне. Кто-то ищет удовольствие для души, а кто-то — для ума. Музыка — искусство объёмное и собирательное, каждый может найти что-то по своему вкусу.

Сколько лет вы посвятили служению музыке?

Сколько лет? Да всю жизнь! На сегодняшний день я за дирижёрским пультом почти пятьдесят три года.

Каковы же были ваши ступени восхождения на музыкальный Олимп?

Как ни странно, мой творческий путь начался с того дня, когда меня не приняли в одну из музыкальных школ города Горького, как они резюмировали, из-за отсутствия музыкальных способностей. Но, как говорится, нет худа без добра. Ибо через несколько месяцев в наш школьный класс пришла комиссия из хоровой капеллы мальчиков и именно меня, после тщательного прослушивания, выбрали из всего класса. Трудно объяснить, почему так произошло. Видимо, другая комиссия что-то во мне разглядела, открыла дверь в мир музыки, а я их не подвёл. Через некоторое время я уже выступал в качестве солиста капеллы, и был даже ведущим концертов. Причём, получал только отличные отметки. Потом учился в Горьковском музыкальном училище, ещё через пять лет получил диплом Горьковской консерватории им. Глинки. А в двадцать девять лет окончил Ленинградскую консерваторию им. Римского-Корсакова.

Интересно, каково было ваше самое сильное впечатление детства?

В один прекрасный день в Горьковской консерватории я увидел живьём симфонический оркестр. В тот день я совершил выбор. И это был выбор на всю жизнь. А дело обстояло так: представьте сцену замечательного зала консерватории, мы стоим на ступенях в составе хора мальчиков, а перед нами внизу расположился большой оркестр. Начало репетиции. Выходит невысокий седой дирижёр (Семён Львович Лазерсон), скользит взглядом по нашим лицам, взмахивает палочкой, звучат первые аккорды, и у меня в голове вспыхивает мысль: вот оно, моё место, вот, чем я буду заниматься. Так была выбрана профессия на всю жизнь.

Итак, вы получаете диплом Горьковской консерватории. Что происходит дальше?

Так случилось, что главного дирижера филармонии И.Б. Гусмана назначили председателем комиссии на наших госэкзаменах, и он поставил мне «пять с плюсом» за исполнение Военного реквиема Бриттена. Вскоре после экзамена Израиль Борисович предложил мне работу в Горьковской филармонии. Таким чудесным образом состоялось непредсказуемое распределение. Я занял должность музыкального редактора, потом

ассистента дирижёра. Через несколько лет уже работал вторым дирижёром оркестра, а с двухтысячного года являюсь главным дирижёром симфонического оркестра.

Вы ведёте также и преподавательскую деятельность?

Несколько десятилетий возглавляю кафедру оперно-симфонического дирижирования и оперной подготовки, работаю над учебными методическими пособиями и занимаюсь научной работой. Если сказать коротко, я за установленные нормативом пять-семь лет обучения рассказываю и показываю студентам, что значит диковинная «дирижёрская профессия» и как её можно проживать во всей доступной полноте.

Давайте вернёмся на шаг назад, вы становитесь вторым дирижёром филармонии. Как складываются ваши отношения с главным дирижёром Гусманом?

Придётся вернуться не на шаг назад, а на два. 1957 год. В Горьковскую филармонию приезжает новый главный дирижёр. Это сенсация. Мне 15 лет, я учусь на втором курсе музыкального училища на улице Фигнер. Конечно, бегу на Свердловку, чтобы присутствовать на репетиции к его первому концерту. Меня пропускают, потому что дирижёр не запрещает, а в зале я не впервой, многие даже привыкли видеть меня на балконе. Однако картину застаю необыкновенную: от левого к правому балкону протянута проволока, на ней в центре висит микрофон, у крайнего левого зрительского кресла стоит катушечный магнитофон, дирижёр и группа оркестрантов слушают и обсуждают фрагмент только что сделанной записи, затем спускаются на сцену продолжать работу. Ничего подобного здесь раньше не бывало. Слушаю с широко открытыми глазами. Час пролетает мгновенно. Та же группа поднимается на мой балкон, профессионально рассуждают. И тут появляется женщина необыкновенной красоты, на которую Израиль Борисович смотрит влюблёнными глазами. Лилия Степановна Дроздова — его молодая жена, новая актриса нашего драмтеатра, звезда киноэкрана. Репетиция окончена. Но я, пропуская уроки, не пропускал репетиций его первой программы: Бетховен Пятая симфония, Чайковский «Франческа да Римини» и оперные арии (их перечислить по памяти не могу, не запомнились). Не удивительно, что я стал завсегдатаем репетиций и концертов тех интереснейших лет. В нашей общественной, концертной и симфонической жизни появился Ростропович с его репетициями-спектаклями, на которые музыканты стремились во множестве, а герои сцены не только не возражали, а, пожалуй, радовались присутствию репетиционной публики, никогда не отказываясь ответить на профессиональный вопрос (да ещё как ответить!). Так постепенно сложилась основа наших отношений. После окончания учёбы в Ленинградской консерватории, я понял, что мы с Гусманом являлись представителями различных музыкальных школ: московской и петербургской. А между ними огромная разница, которую Израиль Борисович осознал значительно раньше. Может быть, поэтому главный дирижёр со временем принял такое решение: мы будем дирижировать произведения разных композиторов. Постепенно накапливался опыт. Разные стили исполнения стали влиять друг на друга. И надо отметить, что всё это превратилось в некую творческую лабораторию взаимного обогащения. Надо сказать, что Гусман доверял мне как другу. Наши дружеские отношения было взаимными. А это — большая редкость в дирижёрской среде.

В шестидесятые годы в городе Горьком стали проводиться музыкальные фестивали. Насколько это важно для развития музыкальной культуры?

Музыкальные фестивали — важнейшая инициатива Горьковской филармонии. Вообще, нашим главным достижением является откры-

тие фестивального движения в Советском Союзе. Первый фестиваль современной музыки состоялся в 1961 году в Горьком. Во главе этого праздника триумвират — дирижёр Гусман, виолончелист Ростропович и директор Горьковской филармонии Никитин. Они практически и делали этот фестиваль. На первом вышел на сцену Дмитрий Шостакович и сказал, что Москва становится музыкальным пригородом города Горького. На сегодняшний день в нашем городе состоялось двенадцать фестивалей современной музыки и пятнадцать сахаровских фестивалей.

А вам приходилось дирижировать эстрадным оркестром?

Много лет назад я решил, что наш оркестр должен стать универсальным по стилю и возможностям коллективом. Думаю, этот уровень достигнут. В рамках нашего оркестра есть даже эстрадный «Биг бэнд», и я дирижирую этим коллективом. Теперь мы играем и классическую, и эстрадную музыку. Выступали даже как военный оркестр.

Александр Михайлович, вы гастролировали по всему миру. Расскажите о самой необычной сцене, на которой довелось выступать?

Мы выступали в Национальной Аудитории Мадрида и во «Дворце музыки» Барселоны, в амстердамском «Концертгебау» и Зале Антона Филлипса в Гааге, в Брюссельской консерватории и зале Королевы Бельгии, в парижском зале «Юнеско» и знаменитых залах Стокгольма, Осло, Копенгагена. Но самым необычным местом я бы назвал старинный храм в Испании — храм Святого Креста в городе Караваке (Мурсия). Мы там исполняли Девятую симфонию Бетховена. После концерта настоятель храма подошёл ко мне, подарил большой христианский крест и взволнованно произнёс: «Он был сегодня с вами». Я несколько раз надевал этот яркий, с камнями крест поверх концертной одежды, когда дирижировал «Реквием» Верди.

Какой концерт вам вспоминается как праздник?

Каждый год тринадцатого января наша филармония даёт концерт под названием «Старый Новый год в Кремле», раньше — «Карнавальс». Это абсолютно новая и самобытная инициатива, вызванная желанием создать концертную традицию на необычный чисто российский праздник. Каждый год создаётся новая программа, которая играется только один раз. Идеи в неё закладываются разнообразные. Неизменным участником праздника является только наш симфонический оркестр, ну и я (пока). Успех, как правило, превосходит ожидания.

Вы скучаете по каким-либо сыгранным концертам?

Скучаю по концертам, сыгранным с Натальей Гутман. Наталья Гутман — выдающаяся виолончелистка, которая выступала в нашем городе с первого своего успеха на конкурсе им. Чайковского постоянно, почти что ежегодно, сыграла здесь весь свой репертуар (а это значит — почти всю мировую виолончельную литературу). И сыграла как никто! Она стала любимицей публики, оркестра, другом филармонии, многих горьковчан-нижегородцев, привозила сюда учеников, семью (семья талантов), приглашала наш оркестр выступить на её фестивале, посвящённом Олегу Кагану в Кройте (Бавария). Теперь она перестала играть (болезнь), мы лишились драгоценной части совместной музыкальной жизни.

Трудно ли управлять оркестром? Музыкантам знакомо чувство неприязни?

Я много ездил по стране, знакомился с разными коллективами и заметил одну вещь: музыкантам не хватает бережного отношения друг к другу. Кто-то хотел бы играть так замечательно как Рихтер или Ойстрах. Кто-то хотел бы получать высокие гонорары. Кто-то хотел бы ездить по разным странам и концертным залам, как тот или иной коллега. Кто-то

хотел бы занимать определённые должности. Кто-то хотел бы работать и в почтенном возрасте. Я считаю, что оркестр — не место для личного выяснения отношений. Музыканты должны относиться друг к другу с дружелюбием. Если в человеке есть любовь к музыке, она должна перечеркнуть взаимную неприязнь. Поэтому стараюсь вдохновлять наших музыкантов, а замечания высказывать, когда это возможно, в шутливой форме.

У каждого композитора есть свои музыкальные идеи и темы. Каковы они, например, у Баха, Дебюсси, Скрябина и Мессиана?

Бах служил всю жизнь Богу. Все его музыкальные произведения — это посвящение Богу, абсолютно религиозные произведения. Дебюсси — это мир музыкальных образных открытий и в опере, и в фортепианных произведениях, и в симфонической живописи. Скрябин верил, что раскрывает какие-то космические возможности музыки, что его произведения преобразят жизнь на земле, выльются в созидательную мистерию. Ну, а Мессиана в России долго не знали, потом долго не понимали, не знали как исполнять. Поначалу многих озадачивала притягательная сила его «говорящей фамилии». Католик Мессиан — это французский ответ протестанту Баху. Работал органистом в храме Нотр-Дам де Пари. Все его сочинения — посвящения Творцу и его творению.

Что вы можете сказать о музыке Шостаковича?

Шостакович говорил: «Бах — это мой любимый композитор. Ежедневно я играю или слушаю его произведения». Шостаковичу оказались близки многие стороны стиля жизни Баха. И на первом месте стоял ежедневный композиторский труд. А под ним подразумевались и работа, и служение, и призвание, и особый «месседж», который он отправлял своим современникам. Шостакович стремился к высшему техническому совершенству, которым обладал Бах. Бах своим творчеством служил Богу. Но и Шостакович, даже будучи атеистом, служил своему музыкальному Богу. Шостакович и наш город — это самостоятельная большая и интереснейшая тема, которая, к счастью, в большой степени раскрыта в публикациях различного типа: мемуарных, аналитических, публицистических. В них его приезды, депутатство, первые фестивали современной музыки, первые исполнения новых сочинений, два монографических фестиваля по программам, составленным им лично... Особый интерес представляют письма Шостаковича Гусману об исполнении его сочинений. К столетию композитора я опубликовал их в журнале «Советская музыка», теперь он называется «Музыкальная академия».

Сейчас повсюду проводятся международные кинофестивали, а какие фильмы на музыкальную тему вы советуете посмотреть?

Нельзя не посмотреть известный шедевр Феллини «Репетиция оркестра», избегая его прямолинейного понимания. Советую хорошую картину музыкально-биографического кино под названием «Чайковский». Там выдающийся актёрский состав — Смоктуновский, Стржельчик, Евстигнеев, Леонов, Лавров, Демидова, Плисецкая. Музыкой Чайковского дирижируют Рождественский, Эрмлер, Темирканов. Может быть, такие фильмы, как «Глинка», «Амадей», «Иоганн Штраус» и «Прелюдия славы». Шедевром считаю фильм А. Сокурова «Дмитрий Шостакович. Альтовая соната».

Какие воспоминания у вас связаны с Мстиславом Ростроповичем?

Ростропович — лучший виолончелист своего времени. Каждый его приезд в наш город был сенсацией. Благодаря ему мы узнавали, как надо исполнять музыку для виолончели. Благодаря ему постигали секреты исполнения современной музыки. Ростропович был одержим идеей пополнения виолончельного репертуара. Таким образом, мы стали знакомиться с новыми произведениями для виолончели, написанными

современными композиторами из Европы, из Америки, из некоторых экзотических стран. Когда Ростропович начал осваивать профессию дирижера, раскрылись новые оттенки его таланта. Он проводил интереснейшие репетиции, феерические концерты. Пожалуй, высших дирижёрских достижений он достиг в музыке Шостаковича. Общественная и политическая деятельность Ростроповича рассматривалась многократно, но, думаю, будет ещё долго служить предметом дискуссий.

Были у него какие-нибудь страсти и увлечения помимо музыки?

Одной из его страстей была любовь к антиквариату. Будучи в нашем городе, он ездил по окрестностям в поисках интересных предметов. Однажды посетил Художественный музей на набережной (дом Сироткина), а там внизу стоял старинный черный буфет. Возможно, самому купцу Сироткину он и принадлежал. Ростропович принялся уговаривать директора музея продать ему этот огромный буфет. Но для музея это было невозможно. Кстати, Дроздова с Гусманом подхватили эту страсть. Однажды Лилия Степановна нашла два потрясающих старинных мебельных гарнитура — светлую спальню и тёмный кабинет, требующих определённой реставрации. Отдала мастеру, который привёл их в идеальный вид, сменил кожаную обивку. Привезла домой, расставила. Спрашиваю: «Ну как Гусман, восхищён?» «Он не заметил», — ответила она печально.

Расскажите, пожалуйста, об этой фотографии, где вы стоите вдвоем.

Фотография сделана в июне две тысячи четвёртого года на банкете после закрытия Восьмого фестиваля искусств имени Сахарова. Это оказался последний приезд Ростроповича в наш город. Именно тогда состоялось открытие мемориальной доски на доме по улице Варварская, 6 и присвоение нашей филармонии имени Ростроповича. Надо отметить, что в рамках фестиваля, прямо на сцене Ростропович встретился с мальчиком, которого назвали Мстиславом, поскольку он первым родился в городе Вача, в роддоме, построенном на деньги фонда Ростроповича. Невозможно забыть момент, когда было объявлено, что наша филармония будет носить имя Ростроповича. Редчайший случай — историческое событие происходит в присутствии великого человека и с его согласия. «Почту за честь» — сказал он голосом, дрогнувшим впервые за все годы общения. Счастливыми в этот момент выглядели все находившиеся на сцене, но особенно Ольга Николаевна Томина — директор филармонии и умелый организатор всех описанных деяний.

Если можно, хотелось бы услышать несколько слов о вашем знакомстве с композитором Касьяновым.

Придётся вернуться к началу нашего разговора. Решение стать дирижёром пришло ко мне на репетиции первого исполнения «Кантаты о Чкалове». Её автором был Александр Александрович Касьянов. Так я увидел впервые знаменитого композитора с внешностью бородатого классика, не только напоминавшего о членах Могучей кучки, но и встречавшегося с ними, обучавшегося у них. Премьера кантаты была успешной, автор выходил на сцену кланяться, приветствовать исполнителей, в том числе и нас. Потом он неоднократно бывал в капелле мальчиков на репетициях своих новых хоровых произведений, написанных специально для нашего коллектива. Из них особенно важным, как гимн, оказалась «Семейная капелла» на его собственные стихи. До сих пор, собираясь на очередной юбилей, все капелланы обязательно с удовольствием поют: «Как приятно это чувство, что причастны мы к искусству./По его идя пути, очень хочется расти!». Другим хоровым шедевром, особенно любимым Л.Сивухиным, стал хор «Осень» на стихи Тютчева (есть прекрасная кинозапись исполнения этого произведения под управлением Л.Сивухина. Обучаясь в консерватории, я знал, что композиторам и музыковедам А.Касьянов преподавал чтение партитур, но сам не был его учеником. А начав работать в филармонии, узнал от И.Б. Гусмана, что телеграмму о рождении Гусмана в Нижнем Новгороде родственникам в Астрахань отправил Касьянов. Текст: «Вобла протухла, Соня родила сына» — классика их семейной истории. Итак, я был направлен к Касьянову попросить для исполнения нашим оркестром какое-нибудь его сочинение. Так я попал в квартиру дома № 15-а по улице Минина, совсем рядом с домом, в котором жил сам (Семашко, 2). Шёл как в хорошо знакомое здание, не раз видел А. Касьянова входящим в подъезд с бутылочкой в кармане или в руке. Он принял меня тоже как хорошего знакомого — не забыл мальчишку, много раз звонко и чётко объявлявшего его имя и названия произведений со сцены в концертах. Но сочинения для оркестра у него не нашлось: «Понимаешь, есть композиторы, которые пишут симфоническую музыку, а я, как Даргомыжский, пишу только для голоса». Теперь я понимаю, что он лаконично изложил принцип творчества, утверждавшийся «Могучей кучкой», который заключался в том, что музыка русского православного музыканта должна быть той же природы, какой является музыка православной церкви, то есть хоровой, вокальной, может быть, оперной. Ну, мы и сыграли увертюру к опере «Ермак».

Каковы ваши литературные пристрастия?

Без литературы не живу. Даже Библию и Коран воспринимаю как произведения литературы. В последний год с удовольствием прочитал роман «Генерал и его семья» Тимура Кибирова, его замечательные поэмы (с великолепными комментариями), много текстов Владимира Сорокина. Может быть, я немного поздно взялся за романы Владимира Максимова (начал с «Карантина», вполне понятно, по какой причине). А далее прочёл три его романа один за другим. Удивляюсь сходством его стиля с литературным стилем последних книг Дины Рубиной.

Есть ли у вас увлечения помимо литературы?

Наша профессия подразумевает гастрольные поездки в зарубежные страны. Я много путешествую по России и по Европе. А вот мои дедушки и бабушки, к сожалению, никогда не бывали за границей. Да и отец выезжал только один раз, был ошеломлён роскошной жизнью в Болгарии. Под впечатлением его рассказов я отправился в наши первые заграничные гастроли в Болгарию. Теперь весь оркестр филармонии побывал во многих странах, свободно чувствует себя в Польше, Испании, Германии, странах Бенилюкса, а во Франции покупает фромаж и бродит по му-

зеям. Если же я еду в отпуск, то в последние годы выбираю страны с морским климатом, такие как Черногория, Хорватия или даже Америка. Отдыхаем на море, ездим в горы. Недавно с женой посетили побережье Коринфского залива в Греции. Добираемся, обычно, самолётом.

На машине тоже путешествуете?

На самом деле, я очень поздно приобрел машину, просто раньше не было денег. Впервые сел за руль в пятьдесят пять лет. Тогда купил подержанную «Шестёрку». Потом приобрёл новенькую «Шевроле Лачетти», а спустя несколько лет автомобиль «Опель Мерива», которым весьма доволен. Уж не знаю, доволен ли «Опель» мной. Но езжу я до сих пор в окрестностях города, ни разу не выезжал за пределы нашей области. Меня радует ощущение свободы, когда как бы сливаешься с автомобилем, становишься с ним одним целым, удивляет невиданный прежде технический уровень, нравится возможность путешествовать с комфортом.

В октябре, по возвращении из Москвы, вы получили сообщение о присвоении вам Почетной грамоты Президента. Поздравляю вас! Каковы теперь планы?

У меня уже была грамота от В.В.Путина. Ее вручили, когда он был председателем правительства. Теперь награда от него как Президента. Много радостных поздравлений. Спасибо.

Интервью подготовила Вита Пунская

А. Скульский
Фото Г. Ахадова

Фото Елены Ивасенко.
2012 г.